

Стояла пора цветения. Еще весной Тан Шэнь велел работникам мастерской собрать лепестки самых разных цветов. Высушенные лепестки шли на производство эфирного масла низшего сорта: его чистота была не так высока, а аромат не отличался густотой. Такое эфирное масло продавали подешевле. Но к шестому месяцу зацвели лотосы, жасмин, пионы, гвоздики... Эфирное масло из свежих лепестков этих цветов шло как высший сорт и стоило дороже.

Но превыше всего ценились купажи, созданные из смеси лепестков самых разных цветов.

Терем Цяньли, отдельный кабинет на четвертом этаже.

Управляющий Син первым делом вдохнул аромат эфирного масла низшего сорта, полученного из высушенных лепестков, и заметил:

— Густой и насыщенный аромат!

Затем он вдохнул аромат эфирного масла из свежих лепестков и вынес суждение:

— Свежий и чистый!

Тан Шэнь достал купажированное эфирное масло и произнес:

— А вот это и есть то, что я называю драгоценным Хуанцзиньлюй.

Управляющий Син бережно принял флакон. Он приподнял крышечку, осторожно вдохнул и слегка изменился в лице. Закрыв глаза, он принялся вдыхать аромат снова и снова. Наконец, открыв глаза, он с горькой усмешкой обратился к Тан Шэню:

— Молодой хозяин Тан, вы право слово ставите меня в тупик. Пусть Павильон Хуатанцю раньше торговал только драгоценностями, но я, ваш покорный слуга, также управляю Теремом Цяньли. Не скажу, что обладаю невероятно тонким чутьем, но все же запахи различаю лучше обычных людей. Я чувствую, что ваш низкосортный Хуанцзиньлюй, хоть и пахнет славно, все же уступает высшему сорту — разница между ними очевидна. Но этот драгоценный Хуанцзиньлюй... Да, в нем смешались ароматы многих цветов, но, быть может, ваш покорный слуга слишком глуп и обделен чувством прекрасного, ведь я не нахожу эту смесь такой уж изысканной. Разве она сильно отличается от высшего сорта? Мне вот милее Хуанцзиньлюй с ароматом лотоса — он такой чистый и умиротворяющий!

Тан Шэнь улыбнулся:

— Я и не говорил, что драгоценный Хуанцзиньлюй пахнет лучше, чем высший сорт.

Управляющий Син растерялся:

— Тогда к чему все это?

— Управляющий Син, какое блюдо в вашем Тереме Цяньли самое дорогое?

— Разумеется, медвежья лапа и морское ушко!

— И почему же они так дороги?

— Из-за редкости самих ингредиентов.

— Однако я слышал, — сказал Тан Шэнь, — что в Тереме Цяньли подают два блюда из

медвежьей лапы. Одно из них действительно безумно дорогое, но другое таковым не назовешь. Более того, у вас есть одно вегетарианское блюдо, которое стоит даже дороже него.

Управляющий Син удивился:

— Не думал, что молодой хозяин Тан так хорошо знаком с делами нашего Терема Цяньли. Все верно. В нашем заведении подают постное блюдо под названием «Изумрудные воды текут на восток». Для его приготовления собирают первую утреннюю росу, едва первые лучи солнца коснутся земли. Ею приправляют восемь видов самых свежих сезонных овощей. Их сначала бланшируют, затем томят на медленном огне и, наконец, быстро обжаривают на сильном пламени. При подаче роса сквозь крошечные отверстия стекает на глазурованную черепицу, служащую подложкой, а сами овощи выкладывают сверху. В день мы подаем не более восьми порций, и ни порцией больше.

На лице Управляющего Сина отразилась гордость.

— Выходит, по сути это просто тарелка жареных овощей? — спросил Тан Шэнь.

— Ах, как вы можете так говорить... — Управляющий Син опешил.

Ему совершенно нечего было возразить!

— Восемь видов овощей благодаря подобной подаче стоят дороже медвежьей лапы, — произнес Тан Шэнь. — Управляющий Син, кто сказал, что еда или аромат стоят дорого только потому, что они приятнее на вкус или запах? Люди в этом мире ценят вовсе не саму суть вещей! Хуанцзиньлюй изначально не предназначался для простых людей. Но если я скажу вам, что этот драгоценный Хуанцзиньлюй делают исключительно из нежнейших свежих лепестков, собранных на рассвете, — разве не станет он в глазах покупателей драгоценным?

— Безусловно, станет. Но, молодой хозяин Тан, разве это не обман?

— Я лишь привел пример. Впрочем, изготовление драгоценного Хуанцзиньлюй действительно требует куда больше хлопот, чем производство высшего сорта. Подобрать сочетания ароматов так, чтобы они не перебивали друг друга и не превращались в неприятный запах — от одних этих поисков голова идет кругом. Составление таких пропорций — целая наука!

Едва он договорил, как вдруг замер. В следующее мгновение его глаза вспыхнули:

— Управляющий Син, когда наступит праздник Циси и Павильон Хуатанцю начнет продавать туалетное мыло и Хуанцзиньлюй, я бы хотел, чтобы вы кое-что сделали. Такого я не проворачивал ни в управе Гусу, ни в управе Цзиньлин.

Управляющий Син тут же подобрался:

— Только прикажите!

Эфирное масло в Шэнцзине не было диковинкой.

Те, кто мог позволить себе такую роскошь, легко доставали его втридорога из далеких управ Гусу и Цзиньлин, даже если в самом Шэнцзине его не продавали. Стоило разнестись вести о том, что Павильон Хуатанцю скоро выставит эфирное масло на прилавки, как буквально за полмесяца об этом узнали все богатые дома столицы.

Эфирными маслами здешние господа пользовались и раньше, поэтому новость от Павильона Хуатанцю привлекла их лишь как праздное развлечение из любопытства. Того ошеломительного эффекта, какой реклама произвела в управах Гусу и Цзиньлин, здесь не случилось.

Старший управляющий Син велел слугам Павильона Хуатанцю изо всех сил зазывать покупателей и продвигать товар, но это почти не принесло плодов.

До Праздника Цицяо оставалось всего три дня. Закончив службу в Академии Ханьлин, Тан Шэнь отправился в Терем Цяньли на встречу с управляющим Сином. Некогда грозный и влиятельный старший управляющий теперь выглядел удрученным. Завидев Тан Шэня, он тяжело вздохнул:

— Молодой хозяин Тан, скажу вам как на духу: я наслышан о том, какой небывалый ажиотаж творился у Павильона Чжэньбао в Гусу и Павильона Цзиньсю в Цзиньлине, когда там начали продавать Хуанцзиньлюй и мыло. Там буквально яблоку негде было упасть. Но увы, как бы ни был богат Цзяннань, ему не сравниться со столицей. Вы уж не сердайтесь, но это чистая правда. Здешние благородные дамы и молодые господа в Шэнцзине искушены донельзя: они и светящийся жемчуг из Западного края видели, и трехметровые кораллы из Восточного Инья. Боюсь, продажи нашего Хуанцзиньлюй здесь не смогут затмить успехи в Цзяннани.

Тан Шэнь, хоть и предполагал нечто подобное заранее, все равно удивился:

— Неужели богатые дома Шэнцзина столь искушены?

— Еще бы!

Тан Шэнь утешил его:

— В таком случае виной тому лишь искушенность жителей столицы. Вашей вины здесь нет, Управляющий Син.

От этих слов старшему управляющему Сину полегчало, и его уважение к Тан Шэню только возросло.

— Вещи, о которых я просил вас полмесяца назад, готовы? — спросил Тан Шэнь.

— Безделицы вроде нефрита и ювелирных украшений для Павильона Хуатанцю — пара пустяков. Как вы и велели, мы изготовили сотню штук. Сегодня утром Управляющий Лу уже забрал их и отвез в мастерскую за городом. Позвольте спросить, молодой хозяин Тан, для чего они вам понадобились?

Тан Шэнь загадочно улыбнулся:

— Вы же сами сказали, что знатные дамы и барышни Шэнцзина ко всему привыкли, и удивить их нечем. Раз уж они уже пользовались Хуанцзиньлюй, мы предложим им нечто совершенно невиданное. Через три дня вы все поймете.

Три дня спустя наступил Праздник Цицяо.

Праздник Цицяо также звался Циси, поскольку выпадал на седьмой день седьмого лунного месяца. В древности в этот день почитали Седьмую сестру (Ткачиху), и юные девы молили ее о даровании мастерства в рукоделии. Позже, когда родилась легенда о Пастухе и Ткачихе, этот

праздник постепенно превратился в день, когда девушки молят о счастливом замужестве.

В сумерках того дня перед дверями Павильона Хуатанцю остановилось несколько роскошных экипажей.

Знатные дамы и молодые барышни редко показывались на людях при свете солнца. С наступлением сумерек несколько благородных госпож, словно сговорившись, приехали в Павильон Хуатанцю. Выйдя из экипажей, они переглянулись и тут же узнали друг друга.

— Госпожа Линь, госпожа Чжао.

— Госпожа Ма, госпожа Чжао.

— Госпожа Линь, госпожа Ма.

Поприветствовав друг друга легким поклоном, дамы вместе вошли в Павильон Хуатанцю.

На первом этаже Павильона Хуатанцю продавали недорогие шпильки, румяна, белила и простое мыло. Вся торговля обычным мылом шла именно здесь. Стоило женам высокопоставленных чиновников переступить порог, как к ним тут же подскочил слуга и с глубоким почтением проводил на второй этаж.

Поднявшись на второй этаж и заведя изящно оформленный стеллаж у поворота лестницы, дамы замерли в изумлении. Одна из них прикрыла рот ладонью и с улыбкой произнесла:

— Слыхала я, что в Цзяннани простым мылом пользуется лишь чернь для стирки и мытья рук. И только благородные семьи покупают особое, благоухающее мыло — его называют туалетным мылом. Я начала пользоваться им около года назад: оно и впрямь прекрасно очищает кожу, делая руки невероятно нежными.

Вторая дама подхватила:

— А я умываюсь туалетным мылом уже полтора года, и от него действительно много пользы.

Последняя из дам рассмеялась:

— Что ж, в этом мне не сравниться с вами, сестрицы, ведь я пользуюсь туалетным мылом всего полгода. Зато их Хуанцзиньюй — вот истинное чудо! Стоило мне год назад начать наносить его, как руки стали белыми и гладкими. Послушай, малый, мы слышали, что с сегодняшнего дня в Павильоне Хуатанцю тоже продают туалетное мыло и Хуанцзиньюй. Где же он? Веди нас скорее.

У слуги на душе кошки заскребли: ему казалось, что перед ним предстали не три покупательницы, а три грозных божества.

Шэнцзин был столицей Великой Сун, и в народе не зря шутили: «Упади на улице вывеска — пришибет десятерых, из них восемь окажутся чиновниками на службе, а еще один — в отставке». Эти три дамы давно знали друг друга. Их мужья занимали должности не ниже пятого ранга, а супруг госпожи Ма и вовсе был важным сановником четвертого ранга! На службе их мужья постоянно конфликтовали из-за разногласий в делах управления, да и сами госпожи при каждой встрече обменивались колкостями и соперничали друг с другом.

И надо же было такому случиться: стоило Павилу Хуатанцю выставить на продажу

Хуанцзиньлюй, как эта троица явилась одновременно!

<http://bllate.org/book/18292/1754525>